

СВОБОДНОЕ СЛОВО

КАРПАТСКОЙ РУСИ

№ 1-2 (73-74)

Год издания VII-ой

1965

.....

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Д-р. А. Геровский: Школы Карпатской Руси под чешским ярмом	2
Светлой памяти С. Ю. Бендасюка	6
Г. Р. Пель: А. Е. Котомкин	9
Юрий Миролюбов: Родовая жизнь русов	11
— Сказ Захарихи про Карпат-гору	13
— Сказ Захарихи про Русу степовую	13
Архимандрит Герасим: Милость Божия буди с вами	14

ШКОЛЫ КАРПАТСКОЙ РУСИ ПОД ЧЕХОСЛОВАЦКИМ ЯРМОМ

Согласно статье 11-ой сен-жерменского договора, которым в сентябре месяце 1919 г. после первой мировой войны Карпатская Русь была присоединена к созданной тогда Чехословацкой Республике, все вопросы касающиеся языка и школы были ограждены от какого либо вмешательства со стороны чехословацкого правительства. Эти вопросы входили в исключительную компетенцию автономного карпаторусского сойма и автономного карпаторусского правительства. Но чешское правительство в течение всех двадцати лет существования Чехословакии, Карпатской Руси никакой автономии не предоставило. В частности, также и нашими школами управляли чехи и словаки, присылаемые из Праги или Братиславы.

Положение школ в Карпатской Руси было крайне печально. Школа должна дать детям знание и воспитание, прежде всего знание своего языка, ибо язык является средством обучения. Кроме того школа должна воспитывать детей и в особенности, привить им любовь к своему народу и к его культуре.

Такой школы у нашего народа под чехословацким режимом не было. Под чехами школа не давала нашим детям ни знания своего языка, ни русского самосознания, ни уважения к русской культуре. Под чехами школа была средством для денационализации, средством для того, чтобы оторвать нашу молодежь от своего русского народа и расколоть ее на несколько враждебных друг другу частей. наших детей в школах чехизировали, словакизировали и украинизировали.

До 1937-го года в школах преподавали на всевозможных языках и „язычиях“, только не на русском литературном. Учили по-чешски, по-словацки, по „украински“ и на всевозможных жаргонах, на которых в Карпатской Руси никто не говорил. Последствием этого было то, что почти никто из получивших образование при чехах не умел правильно ни говорить, ни писать по-русски.

Высших учебных заведений в Карпатской Руси не было. Не взирая на то, что организовать университет в Ужгороде было очень легко при наличии множества русских профессо-

ров, эмигрировавших из России в итоге революции. В одном лишь Белграде, в Сербии, было их одно время пятьдесят четыре. Русские профессора преподавали в сербских, хорватских и словинских университетах. Были они и в Болгарии, и во Франции, в Англии и в Америке. Многие из них были светилами науки. Были они и в самой Праге, где они были принуждены преподавать в чешском университете. Будь Карпатская Русь автономной, в Ужгороде был бы первоклассный русский университет. Но „братья“ чехи этого не хотели. Они желали, чтобы русские люди на Карпатах не приобщались к общерусской культуре, но были бы второразрядным народом, который можно было бы эксплуатировать в чешских интересах, как экономических, так и политических. По этой же причине чехи не допускали в Карпатскую Русь учителей средних школ из русских эмигрантов и вообще русских учителей из эмиграции. И поэтому русские средние учебные заведения стояли на очень низком уровне, так как местных учителей, уроженцев Карпатской Руси, было мало и к тому же, они не владели русским литературным языком, ибо они воспитывались в мадьярских школах, в которых русскому языку не учили.

Молодежи, окончившей гимназию в Карпатской Руси, приходилось продолжать свое образование в чешских или словацких университетах — в Праге, Брне или Братиславе. Вследствие этого они, окончив университет, совершенно не знали русской научной терминологии и возвращались в Карпатскую Русь языковыми калекками. Чехи, даже „руссофилы“, не стеснялись высказывать мнение, что незнание русского литературного языка является не великой бедой, ибо чешский язык „тоже славянский“. Для чехов очевидно не было обидным слышать, как их воспитанники из карпаторусов калечили русский язык разными чешскими словами и оборотами речи и даже произношением. Для того, чтобы понять, до чего это доводило, достаточно привести несколько примеров. Так, например, воспитанники карпаторусских школ обыкновенно употребляли чешское слово „матершина“ вместо того, чтобы ска-

зять „родной язык”, не говоря уже о том, что попадались и такие жемчужины как „вонявка” (духи) и „ептишка” (монахиня). Вместо „если у вас будет время, прочитайте это письмо”, от воспитанников карпаторусских школ можно было услышать такую фразу: „будет ли у вас время, прочитайте это письмо”, и т. п.

Как уже было упомянуто выше, согласно международному договору, гарантированному подписями великих держав, чехословацкое правительство не имело никакого права вмешиваться в школьное дело в Карпатской Руси. Законодательство по всем вопросам, касающимся языка и учебных заведений, входило в исключительную компетенцию автономного карпаторусского сойма, а организация и надзор над школами в исключительную компетенцию автономного карпаторусского правительства. Но чехословацкое правительство не предоставило Карпатской Руси никакой автономии. Оно диктаторски распоряжалось в нашем крае в течение двадцати лет, то есть все время пока существовала Чехословацкая Республика.

Итак в продолжение всех двадцати лет во главе „школьного реферата” или „школьного отдела” при карпаторусском губернаторе стояли одни только чехи, присланные из Праги. Ни один из них не говорил по-русски. Первым начальником „Школьного Реферата” был Иосиф Пешек. Он оставался во главе всего школьного дела много лет, не взирая на то, что он не только не знал русского языка, но не имел ни квалификации требуемой законами, как прежними венгерскими, так и новыми чехословацкими. Согласно законам, для поста главы школьного дела в любой провинции требовался университетский диплом, а пан Пешек его не имел. Он окончил только учительскую семинарию. Это давало ему только право учительствовать в начальных школах. Но Пан Пешек был чех и лично знаком с Масариком, и для него закон не был писан. Его помощником был назначен самостийный галичанин, пан Панькевич, тоже присланный из Праги. Впоследствии школьный реферат возглавляли другие чехи: Антон Граздил, Иосиф Шимек, Вацлав Славик, Виктор Клима. Последним был Франтишек Хмеларж. При всех этих чехах бессменным помощником был пан Панькевич, „украинец”, но не с Украины, а галичанин.

Борьба против русского (литературного) языка в школах началась сразу же при пане Пешеке. Вскоре после того, как в Париже (Сен-Жермене) был подписан в сентябре 1919 года договор, которым Карпатская Русь присоединялась к Чехословакии, пражское правительство составило „Генеральный статут для

организации и администрации Карпатской Руси” (№ 26.536 министерского совета). Глава III этого статута определяет название края и язык. Относительно языка там сказано, что „народный язык будет языком преподавания в школах, а также и вообще официальным языком”. Дальше сказано, что „русские школы должны быть организованы возможно скорее”.

Таким образом уже с самого начала чехословацкий министерский совет решил недопустить русский литературный язык в школы, и в правительственные учреждения Карпатской Руси.

Термин „язык народа” очень растяжим. В Карпатской Руси не было одного общего „народного языка”. Будучи страной очень гористой и при том с очень давних времен населенной множеством русских племен, в Карпатской Руси, небольшой территории имеется по крайней мере двенадцать основных наречий, из которых некоторые сильно различаются друг от друга, хотя далеко не так сильно, как различаются друг от друга немецкие наречия в Швейцарии. Мы здесь не можем входить в подробности, но дабы дать нашим читателям некоторое понятие об этих расхождениях, мы приведем только несколько примеров. Так, например, вместо слова „парень” в некоторых наречиях говорят „паробок”, в других—„шугай”, „легинь, фатью”. Картофель в одной части Карпатской Руси называют „бандурки”, в другой—„кумпитеры”, в третьей—„бульба”, в четвертой—„були”, в пятой—„репа”, и есть еще и другие названия для картофеля.

В западной части говорят: паробок садит „бандурки”, в восточной части, в окрестности Хуста, — „фатью садит кумпитеры”, а в самой восточной части, раховском уезде, „легинь кладет рипу”. На каком же народном языке должно было происходить преподавание в школах? Повторяем еще раз, что этих различий в словаре гораздо меньше чем в наречиях немецких, французских или итальянских. Наличие различных слов не мешало карпатороссам свободно понимать друг друга, в то время, как в одной северной Италии житель Ломбардии совершенно не понимает жителя Удине и также абсолютно не понимает жителя Генуи. Дабы понять друг друга, они должны говорить на итальянском литературном языке, которому их учили в школе.

Что карпаторусские наречия, невзирая на все различия, являются только наречиями одного и того же языка, в этом все согласны. Украинские самостийники утверждают, что это наречия „украинского” языка, но сами карпатороссы, как образованные, так и неграмотные,

жители городов и пастухи на горных пастбищах, никогда не называли себя и свой язык иначе как русским. Русскими же их называли и все их соседи, в том числе и румыны и мадьяры. Румыны их называли „рус“, а мадьяры — „орос“, то есть, так как они называли и русских в России. И весь наш народ спокон веку мечтал о том, что придет Россия и что тогда все невзгоды кончатся. Были у нас отщепенцы, отрекшиеся от своего русского народа, но это не были сепаратисты, желавшие создать новую нацию, нерусскую и враждебную России. Отщепенцами этими были, как это бывает всегда и всюду, где имеются национальные меньшинства, слабохарактерные люди, которые примыкали к господствующим в Венгрии мадьярам, отрекаясь при этом от своего народа. Их называли „мадьяронами“. Но украинских самостийников среди карпатских русских не было до тех пор, пока Карпатская Русь не попала под власть „братьев славян“: чехов и словаков.

В Карпатской Руси не было почти никаких русских учебников. Еще при мадьярах униатский священник Волошин составил русскую грамматику для школ. Его грамматика была конгломератом из разных карпато-русских наречий и церковно-славянского языка. Сам о. Волошин не будучи мадьяроном, считал себя русским во время мадьярского режима. Он издавал еженедельник „Наука“, в котором он старался очень осторожно, по мере возможности, при тогдашних обстоятельствах, поддержать русский дух в народе. Впоследствии при чехах, он превратился, после нескольких поездок в Рим, в украинского самостийника. Он примкнул к чешской римокатолической клерикальной партии, возглавленной монсеньором Шрамеком, и даже попал в чехословацкий парламент как член этой партии, так как в Карпатской Руси ему не хватало голосов. Он переделал свою русскую грамматику на самостийный лад, но не посмел назвать ее „украинской“, а только „русской“, с одним „с“ и мягким знаком, по примеру того, как в свое время поступали галицкие самостийники, тоже не смевшие называть себя „украинцами“ в течение всего 19-го столетия и первое десятилетие двадцатого вплоть до самой первой мировой войны *). Волошин создал се-

бе и свою отдельную организацию под названием „Руська Рада“.

Кроме грамматики А. Волошина имелась еще и другая русская грамматика о. Евмения Сабова, тоже униатского священника, более образованного чем о. Волошин. Его грамматика была несравненно лучше и впоследствии он ее переиздал. В новом издании грамматика о. Сабова была уже вполне литературно-русская и пригодна для преподавания в школах. Заправили в „Школьном Реферате“, то есть чех пан Пешек и его помощник галицкий самостийник, пан Панькевич, конечно стояли за грамматику Волошина, невзирая на все протесты со стороны русского населения. Так, например, в Изе, чисто русской общине, много пострадавшей во время мадьярского режима, в местной школе преподавание происходило на русском литературном языке. Учителем там был некто Кирик, русский галичанин, прекрасный учитель, вполне владевший русским литературным языком. Им изская община была чрезвычайно довольна. В течение целого года язык в этой школе был русский литературный. Но затем чешское начальство приказало учителю учить детей по грамматике патера Волошина. Община запротестовала и сам Кирик долго не подчинялся чехам, но ему грозили увольнением и высылкой в Польшу. Кирик был женат и ему пришлось подчиниться. Так это было повсюду.

Только в 1937-м году, то есть после семнадцати лет такого режима, чешское правительство согласилось устроить плебисцит среди родителей, имевших детей в школах. В то время Гитлер уже бряцал оружием и чешские заправили сбавили спеси. Решили показать свою „демократичность“ в Карпатской Руси. При этом они вероятно надеялись, что после семнадцати лет „украинизации“ и при некотором нажиме большинство „некультурных руснаков“ выскажется за самостийную мову. В школах Карпатской Руси в то время было уже около тысячи учителей чехов и несколько сот самостийников. Почти в каждом русском селе было по несколько чешских жандармов. Большинство секретарей при сельских правлениях, которые назначались чешским правительством, были или чехи или во всяком случае люди благонадежные, исполнявшие волю чешского начальства. Но, увы, результат был плачевный. Семьдесят шесть процентов голосовавших высказалось за русский литературный язык, невзирая на все запугивания и угрозы. Больше всего людей пугала перспектива, которой запугивали их самостийники, что в случае по беды русского литературного языка им придется покупать новые учебники. При крайней

*) Кстати отметим, что перед последними выборами в австрийский парламент, самостийные галицкие кандидаты выпустили воззвание „до русского народа“, которое было напечатано на первой странице самостийной украинской газеты „Діло“ (во Львове).

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ С. Ю. БЕНДАСЮКА

Братская гробница русских журналистов на Лычаковском кладбище гор. Львова приняла в свои недра 5-го января 1965 г. Семена Юрьевича Бендасюка, достойного наследника плеяды талантливых тружеников пера Галицкой Руси: Б. А. Дедицкого, О. А. Молчаликовского, Б. Ф. Луцька, О. А. и Д. А. Марковьх, Н. И. Пелеха и многих других.

С кончиной Семена Юрьевича сошел в могилу на пороге 88-го года жизни человек, который всю свою трудовую жизнь посвятил родному народу, не претендуя ни на какие материальные выгоды, ни на какие почетные звания, умер человек хрустального характера, умер как нищий отшельник, оставив по себе память праведного, безгрешного человека.

Накануне первой мировой войны, в 1914 г., громким эхом по всей Русской Земле прокатился организованный во Львове австро-польскими властями политический процесс о государственной измене, известный как „процесс Бендасюка и товарищей“, в котором со товарищами Семена Юрьевича по тюрьме и суду были два православных священника галичане — М. Т. Сандович и И. Ф. Гудима и студент В. А. Колдра.

В заключении обвинительного акта ставилось С. Ю. Бендасюку в вину, что он, имея сношения с русскими общественными кругами в Фоссии, предпринимал туда поездки (в том числе и на гоголевские торжества в Москве в 1909 году), что принимал деятельное участие в организации русских бурс для учащихся средних учебных заведений и женских пансионов по городам Галичины, что написал и издал грамматику русского литературного языка для галичан, что „был посредником между русскими кругами и православными священниками в Галичине и вместе с тем организатором православного движения в Галичине“.

Таковы в общих чертах поставленные ему в вину заслуги С. Ю. Бендасюка, рассматривавшиеся им, как средство освобождения Галицкой Руси от австро-польского ига. Но это далеко не полный перечень многогранной патриотической деятельности Семена Юрьевича и его заслуг перед галицко-русским народом.

Процесс закончился единогласным оправдательным приговором присяжных заседателей, и С. Ю. Бендасюк для подкрепления здоровья, расшатанного свыше чем двухгодичным заключением в сырых стенах львовской тюрьмы, уехал благополучно в Россию еще до начала войны, получив паспорт на выезд от коломыйского старосты Малашинского, кор-

репетитором сына которого когда-то был. Это обстоятельство спасло его от неминуемых зверств свирепствовавшего с первых дней начала войны бешеного террора австро-мадьярской военщины, о чем свидетельствует горькая участь оставшихся дома его тюремных со товарищей М. Т. Сандовича и И. Ф. Гудимы, из которых первый был расстрелян без суда австрийскими палачами в том же году, а второй был заключен в Талергофский лагерь, где заболел душевным расстройством и впоследствии, в годы гитлеровской оккупации, был убит нацистами.

В родном селе Семена Юрьевича, Скоповке Делятинского уезда, уже сама фамилия „Бендасюк“, была достаточным поводом для ареста лиц, с этой фамилией и поэтому все однофамильцы Семена Юрьевича уже на первых порах военного времени были арестованы австрийской жандармерией и заточены вглубь австрийской империи. Однако вспомним вкратце жизненный путь Семена Юрьевича.

С. Ю. Бендасюк родился 1877 г. в семье деревенского псаломщика и, закончив гимназию в Коломые в 1900 году, поступил на юридический факультет львовского университета, после окончания которого в 1905 г. был зачислен в нотариальные кандидаты. Такая должность не увлекала, однако, Семена Юрьевича и он, следуя влечению своего сердца, зачислил себя в „чиновники русского народа“. Стал работать в библиотеке Русского Народного Дома во Львове, сотрудничая одновременно в редакции ежедневной газеты „Галичанин“ при редакторе О. А. Мончаловском и после смерти этого последнего при редакторе О. А. Маркове. В газете „Галичанин“ был напечатан в 1904 г. первый его литературный опыт „Многострадалица“ (т. е. Галицкая Русь).

Когда в Австрии в 1907-1908 гг. развернулась кампания по выборам в парламент на основании новоизданного закона о всеобщих, прямых и тайных выборах, Семен Юрьевич с самоотвержением включается в эту кампанию, разъезжая по карпатским селам и устраивая вечера-собрания, на которых выступает с пламенными патриотическими речами. Отзвуком этой его поездки является ряд статей п. з. „Сверхштатный кандидат“, которые отражают богатый этнографический материал карпатских деревень.

Кроме упомянутой выше „Граматики русского языка“ Семен Юрьевич пишет ряд монографий, в которых проявляет себя как популяризатор русской художественной литературы:

А. В. Кольцова (1909), Н. В. Гоголя (1909), И. С. Никитина (1910), Л. Н. Толстого (1911) и других.

Заботясь о воспитании молодого поколения, Семен Юрьевич принимает с чувством глубокой любви и высокой ответственности возложенное на него с 1909 г. общественное поручение по делу организации и содержания в надлежащем уровне русских бурс и женских пансионов, которые при его умелом и заботливом содействии развиваются кроме Львова в таких галицких городах как: Броды, Бучач, Городок, Горлицы, Дрогобыч, Жолков (Нестеров), Каменка, Струмилова (Еугская), Золочев, Коломыя, Новый Санч, Перемышль, Рава Русская, Рогатин, Самбор, Стрый, Станиславов, Сянок, Тернополь, Турка, Чортков, Яворов.

В это же время С. Ю. Бендасюк посвящает много времени журналистике, помещая свои очерки и статьи в изданиях Общества им. Качковского, в ежедневной газете „Прикарпатская Русь“, в изданиях „Галицко-русской Матицы“, „Временнике Ставропигийского Института“, студенческом журнале „Новая Жизнь“.

Освобожденный из тюрьмы в июне 1914 года и очутившись за границей Австрии, Семен Юрьевич все время трудится с глубокой верой в освобождение подъяремной Руси от подневольного ига, пребывая временно в Ростове на Дону, в Таганроге и в Бердянске и отдаваясь заботам о воспитании беженской галицко-русской молодежи. Во время занятия русскими войсками города Львова приезжает сюда, чтобы работать в редакции „Прикарпатской Руси“ и в школьной комиссии при „Русском Народном Совете Прикарпатской Руси“. С уходом русской армии пришлось ему вести скитальческую жизнь в России. С продвижением австрийцев и немцев к Черному морю весной 1918 г. Семен Юрьевич пробирается через Сибирь и Японию в США, где организует и редактирует газету „Прикарпатская Русь“ в Нью-Йорке, а после прекращения этой газеты редактирует газету „Правда“ в Филадельфии. Голос сердца звал, однако, Семена Юрьевича на родину и в 1928 году он возвращается во Львов и сразу впрягается в общественную работу, будучи хранителем Ставропигийского музея. В это время он печатает ряд научно-исторических работ: „Осип Андреевич Мончаловский“ (1929), „Учено-литературное общество «Галицко-русская матица»“ (1930), „Первые памятники русской переписки Д. И. Зубрицкого“ (1932), „Ставропигийский музей в настоящее время“ (1932), „Временник Ставропигийского института. Историко-библиографический очерк к 70-летию издания“ (1933), „Общерусский первопечатник Иван Федоров“ (1935), „Пуш-

кинский год на Галицкой Руси“ (1937), „Австро-Угорщина и Талергоф“ (1938), „Историческое развитие украинского сепаратизма“ (1939). Принимает тоже участие в редактировании „Талергофского Альманаха“ (вып. 3-ий 1930 и вып. 4-ый 1932).

Ценным вкладом в научную литературу является его монография о русском первопечатнике Иване Федорове, которая получила положительную оценку со стороны современных русских исследователей А. И. Назарова и Е. Л. Немировского по случаю отмеченной в 1964 году 400-летней годовщины Федоровского книгопечатания.

Большие заслуги имеет Семен Юрьевич и в деле церковного возрождения, т. е. разоблачения латинизаторской и денационализаторской роли введенной принудительным образом церковной унии с Римом. Будучи с юных лет глубоко верующим и воспитанным на подлинно исторических русских началах, Семен Юрьевич понял подлинную суть униатской пропаганды и в своих письмах и выступлениях старался указать галицко-русскому народу правильный путь возвращения к вере отцов, в чем и заключалась в основном его „государственная измена“, за которую пришлось отсидеть два года и четыре месяца за тюремной решеткой. Правдиво было о нем однажды сказано, что „... с юных лет

Одним лишь жил, в одно лишь верил свято:
С Востока свет!”

Очень много труда для православной церкви положил С. Ю. Бендасюк особенно за последние три десятилетия своей жизни, став церковным старостой Свято-Георгиевского храма во Львове. Еще при польском режиме редактировал ежемесячный орган Православного Братства при церкви св. Георгия Победоносца во Львове „ВОСКРЕСЕНИЕ“ (1934-1937). В 1935 году была напечатана его „Речь на торжестве памяти о. Максима Сандовича в с. Чорном горлицкого уезда, 9-го сентября 1934 г.“, которая по сути является монографией об этом православном мученике за веру и Русь. Одним из последних является его очерк „Православная Свято-Георгиевская церковь во Львове“, напечатанная в 1946 году.

В последние годы перед его кончиной можно было наблюдать, как Семен Юрьевич, уже почти совсем слепой, немощный старик шагает медленно из своей нищенской квартиры на ул. Русской к храму по улице Короленко, где у входа с трудом и напряжением одним лишь слабым глазом перечитывает молитвенные карточки, подаваемые верными, распределяет свечечки и исполняет другие обязанности церковного старосты.

АЛЕКСАНДР ЕФИМОВИЧ КОТОМКИН

Недавно скончавшийся известный русский гуслиарь-складатель, поэт и писатель Александр Ефимович Котомкин родился 11 октября 1885 года в Казанской губернии в кондовой¹⁾ семье крестьян-середняков, которую он с трогательной любовью описал в книжке своих воспоминаний „Из старой святой Руси“, изданной, к сожалению, пока только в немецком переводе. Оставшись трех лет без матери, он рос у своей бабушки Лукерьи, неграмотной, но мудрой крестьянки, которая заложила в нем любовь к православию, к старинным поверьям и стародавним песнопениям гуслиаров, часто заходивших в их лесную деревню, в „медвежий угол“, как его любовно называл Александр Ефимович. Это был сказочный край, „царство царя Берендея“, по его же выражению, который царь Иван Грозный, после завоевания Казани, заселил новгородскими крестьянами. Там сохранился кусочек Новгородской Руси — старинные новгородские обычаи, новгородская одежда, былины новгородские и духовные песнопения. Александр Ефимович охотно подчеркивал, что происходит от лихих новгородских ушкуйников.

В девственных дремучих лесах Заволжья, простиравшихся далеко на восток и переходивших постепенно в Сибирскую тайгу²⁾ в то время водилось еще множество диких зверей — волков, лисиц, рыси и медведей, на которых еще отец Александра Ефимовича ходил с рогатиной. Крестьяне, никогда не знавшие крепостного права, чувствовали себя независимыми и полными хозяевами своей земли. В краю жили инородцы — татары, черемисы — и потомки тех староверов, которые нашли убежище от преследований в глухих лесах Заволжья и соседство с ними осталось не без влияния на религиозные верования и обряды остального населения.

В этом-то краю, богатом сказочниками, песенниками и гуслиарями часто заходившими в дом гостеприимной бабушки Лукерьи, рос Александр Ефимович. Он с малых лет любил стародавние песнопения гуслиаров и людей Божиих — калик переходжих и нередко сопровождал их в странствиях по ближайшим монастырям.

Рано в живом и любознательном мальчике

¹⁾ кондовый — старинный, прочный, основательный.

²⁾ тайга — дикий и мало проходимый, преимущественно хвойный, лес, тянущийся широкой полосой на севере Европы и Азии.

проснулось непреодолимое желание учиться. Его выдающиеся способности обратили на себя внимание сельской учительницы (Марии Александровны), которую всегда с благодарностью вспоминал Александр Ефимович, и по ее настоянию он десяти лет был отведен в Казань и отдан в церковно-приходскую школу св. Георгия, по окончании которой поступил в Казанское Реальное Училище. Лишившись четырнадцати лет отца, он был принужден тяжелым репетиторским трудом зарабатывать себе кусок хлеба, бегая с одного конца города на другой и ютясь по чужим углам. И только в выпускном классе Реального Училища Александр Ефимович благодаря своему законоучителю о. Николаю Варушкину, взявшему под свое покровительство талантливого и глубоководующего мальчика, стал получать небольшое пособие и смог спокойно окончить школу.

Александр Ефимович рано начал писать стихи и будучи еще „реалистом“ в 1904 году на свой собственный счет издал в Казани первый сборник своих стихотворений — 600 экземпляров за 50 рублей!

После окончания реального училища он в 1904 году поступил в Московское Алексеевское Военное Училище, которое с отличием окончил в 1906 году. Там он познакомился с великим князем Константином Константиновичем, поэтом К. П., под ведомством которого тогда состояли все военные училища. Великий князь Константин Константинович открыл в молодом поэте из народа выдающийся талант и с отеческою любовью и вниманием относился к нему. До самой своей преждевременной кончины в 1915 году „К. Р.“ руководил поэтическим творчеством Александра Ефимовича и нередко сам исправлял его стихотворения. В 1910 году за счет „К. Р.“ в издательстве „Нива“ в Санкт-Петербурге вышел в свет „Сборник Стихотворений“ Александра Котомкина с предисловием великого князя.

Окончив в 1906 году военное училище, Александр Ефимович по состоянию своего здоровья не долго прослужил офицером и ушел в народ. Несколько лет он был земским начальником и мировым судьей в немецких колониях Самарской губернии, а затем среди русского населения Казанской губернии. Во время гражданской войны Александр Ефимович принял участие в борьбе Русской Добровольческой Армии в Сибири (см. его книгу „О чехословацких легионерах в Сибири. Документы и воспоминания“, Париж 1930 г.), а после

разгрома армии через Китай и Японию перекочевал в Западную Европу, где сперва несколько лет проживал в Чехословакии, а затем переехал в Париж. Тут княгиня Марина Петровна заказала для него гусли у итальянского мастера и он стал гусяром. С гуслиями Александр Ефимович объездил всю Францию, Бельгию, а затем и много городов Германии, где у него и после войны было особенно много восторженных и благодарных слушателей в лагере Ди-Пи. Последние годы своей жизни Александр Ефимович провел в Гамбурге, где 23 ноября 1964 года скоропостижно скончался от слабости сердца на высоте творческих сил и полный радужных планов на будущее. Александр Ефимович оставил после себя очень большое количество стихотворений, из которых большая часть, к сожалению, еще не издана, несколько исторических драм в стихах как то „Меченосцы“ (1919 г.), „Ян Гус“ в нескольких изданиях (1919, 1921, 1922 гг.) на русском и чешском языках; „Едигер хан Казанский“, „Король-бард Альфред Великий“ (еще не изданы), поэму „Св. Франциск Ассизский“ и многое, многое другое. Вторая часть сборника рассказов „Из старой святой Руси“ (воспоминания из Заволжья), готовится к печати на русском и немецком языках.

Александр Ефимович жил и скончался истинно русским человеком. Он до конца остался верен своей Родине и заветам отцов. За все годы „бездорожные“, как он называл скитания среди чужих народов, он, несмотря на жизнь полную лишений, рано подточившую его здоровье, никогда не руководствовался материальными соображениями, нигде не принял иностранного подданства и по собственным словам, „ничего не уступил из своей русскости“. С другой стороны он видел свою миссию в работе на сближение русского народа с народами Запада. В предисловии к немецкому изданию своей книжечки воспоминаний „Из старой святой Руси“, он например, писал, что в то время, когда к его радости, всюду и особенно в Германии, снова начинается интерес к великому русскому народу, он был бы рад, если-бы ему удалось „хоть бы немножко содействовать ознакомлению немецкого народа с основными чертами характера и мировоззрением простого русского человека, каким я его знал до революции и каким он, вне сомнения, остался в глубине души своей и до сих пор, несмотря на весь опыт и переживания последних сорок лет.“

В лице Александра Ефимовича русская эмиграция потеряла представителя старой святой Руси. Он был как бы ее олицетворением. Как часто, когда он тосковал о том, что не мо-

жет вернуться на родину, друзья говорили ему: „Что вы тоскуете?! Вы в себе самом носите Россию. Россия — это вы!“

Мир праху большого русского поэта и чудесного, единственного зарубежного гусяр-складателя Александра Ефимовича Котомкина в чужой земле.

Г. Р. Пель

Александръ Котомкинъ

П ѣ с н я

Изъ стихотворенія, посвященнаго Ж. К. В.
„Но, ты, поэтъ, вѣрь въ жизнь иную,
Тебѣ Небесъ открыта дверь,
Вѣрь въ силу Творчества живую,
Во все несбыточное вѣрь!
Любовь твое да будетъ знанье,
Проникнись ей, и пѣснь твоя
Включить въ себѣ и все Страданье,
И все Блаженство Бытія!“
(К.Р. — Великій Князь Константинъ
Константиновичъ)

„Все проходить въ мірѣ этомъ,
Исчезаетъ, какъ волна,
Остается лишь одна
Пѣсня, спѣтая поэтомъ.

Все проходить въ бездорожьѣ,
Въ бездну падаетъ на дно, —
Остается лишь одно
Вѣковѣчнымъ — Слово Божье.“

Александръ Котомкинъ

Я вкушаю съ пирожнымъ у Вас землянику,
Снова вижу себя на родимомъ лугу,
Будто снова въ лѣсу я ищу костянику,
Въ томъ лѣсу, образъ чей и сейчасъ берегу...
Вы сейчасъ показали родную картину:
При котомкѣ-сумѣ мнѣ родного слѣпца,
Онъ напомнилъ мнѣ нищихъ, что пѣли былину,
И въ дугозныхъ стихахъ прославляли Творца...

По церквамъ, деревнямъ, они тихо бродили,
Славослѣвья Спасителя Бога-Христа,
И повсюду вниманье къ себѣ находили.
„Богъ спаси, сохрани!“ ихъ шептали уста...
А какая въ пути имъ встрѣчалась телѣга,
Привозилъ мужичекъ этихъ Божьихъ
слѣпцовъ,
Былъ приютъ гдѣ-нибудь тѣмъ слѣпцамъ для
ночлага...

Все село собиралось послушать слѣпцовъ,
И, настроивши гусли, убогіе пѣли,
И у Бога просили прощенье грѣховъ...
Вторая имъ, доморощены гусли гудѣли,
До утра каждый слушать готовъ гусяровъ...

ПОВѢДКА ПРАБКИ ВАРВАРЫ ПРО РОДОВУЮ ЖИЗНЬ РУСОВЪ

На Рождественскія Святки Прабка Варвара говорила:

„Ты думаешь, почему кутью и взвар варят в прсрых глиняных горшках? Почему рыбу кладут, изжаривши, на глиняное блюдо? Почему под них подложено сѣно, ячная, пшеничная и житная солома? Потому, что так жили наши працурьы. Они ни серебра, ни золота не имѣли, ѣли на простой гончарной посудѣ, ѣли деревянными ложками, вилок не имѣли, и только ножи были у них, и то — у каждого свой, поясной нож. Тогда люди жили родами. То было еще до Рождества Христова, и может за двѣ-три тысячи годов до того. Моя Прабушка говорила, что, может и за пять тысяч, да старые люди уже забыли, и не могут точно сказать. Потому и свѣчи должно ставить воску желтаго, как его пчела Божья приносит. Так было в давнюю предавнюю старину, которую моя Прабка называла прастаринной. Ты спрашиваешь, как тогда люди жили? Я расскажу, только ты не перебивай и слушай. Другіе уже не знают, и не от кого больше услышать.

Такъ, въ ту прастарину Русы жили уже на Днѣпрѣ, и по правому, и по лѣвому берегу. То было на полночь отъ теперешняго Кіева. Кругом были дремучіе лѣса. Жили Русы в полуземлянках, кругом которых были хлѣва, конюшни, курятники, свинушники, амбары, а дальше — стѣны из добраго дуба, и рвы кругом. К стѣнам Русы подводили еще плетни, и промежутки насыпали землей, хворостом, глиной, и все забивали доброй дривитней (т. е. — утрамбовывали „бабой“). Выходило сажени три вышиной. Звѣрь мог взлѣзть, а рысь вскочить наверх, ну а медвѣдь уже не мог, и вороги не могли.

Во дворѣ же находилась кутня, гдѣ жили большіе псы-волкодавы. Они лежали, зарыгшись въ солому, но как только появится волк, так они его и задавят! Да и ворога не пропустят. И так жили они еще до прихода Князя Кія с братьями и сестрой — Лобедью. Твой отец говорит, что и Нестор-монах пишет, что „и до князя Кія с братьями были Русы-Поляны там“. Жили Русы большими семьями в 30-60 человекъ, в больших хатах, с постройками кругом, и с нѣсколькими выходами, чтобы, если враги придут, успѣть выскочить. Однако, Русы жили в лучших хатах, чѣм в Кіевской Землѣ, потому, что они были лѣсовиками, и поля воздѣлывали только здѣсь и там, да и то небольшія. Больше всего они занимались огородами, при домѣ, гдѣ сажали капусту, лук,

чеснок, буряки, моркву, горох, просо, кабачки, рѣпу и другую зелень. Золу, которая бывала въ печи, они выносили на смѣтник, и послѣ разбрасывали по огородам. Потому им палов пускать не надо было. Потому же и переходить на новое мѣсто не треба було. Потому они жили на мѣстѣ. Охота и рыболовство ихъ кормило. Дрова, сѣно и солома находилась тут же. Зимой к жилью подходили волки, и мужики, кто старше, прогоняли их дубинами, мечами и стрѣлами.

Весной, летом и осенью волки были сытymi, и на людей не нападали, а зимой, в концѣ февраля, в мартѣ кормов — не было. Даже зайцы прятались в норы, и волки их не находили. Да что цѣлой стаѣ в сотню волков какой-нибудь единый заяц? Между тѣм, коз, оленей, свиней не было. Все пряталось в снѣгу. Вот, тогда они были страшными. Человѣку нельзя было из дому выйти. Бывало, что и звѣри исчезали, не находя корма, и тогда лисицы, рысы, дикіе коты нападали друг на друга. Тогда и медвѣдю приходилось плохо, потому, что и на него нападали волки. Он их десятки перебьет, но все-жа стая его доконает. Въ эти мѣсяцы, если бывало холодно, охотники далеко не уходили. Они шли в таких случаях всѣ вмѣстѣ, разводили гдѣ-либо большой костер, с запасом дров, и если спали, то не всѣ. Другіе держали сторожу. Иногда волки окружали, и рвались черезъ огонь к спящим. Тогда всѣ охотники просыпались и разгоняли звѣря горящими головешками.

Послѣ Овсеня Великаго, куда Радогощ и Кологощ встрѣчались, и Вышній ходил по садам, разыскивая вишни, свое дерево, и на руках у него было Дитя Малое, — Кръшній-Свѣтовид, подходил и Коляда. В рукѣ его было Коло великое, и он его катил по снѣгам. Овсеня встрѣчали оладьями, всхожалыми блинами, брагой, суслон, квасом и медом. Варили вареники с кислым творогом. Кологоща и Радогоща — гулянками, в санях с колесом позади, чтоб знала Зима-Боярыня, что Весна будет! Вышняго — цвѣтами вишни, для чего срѣзали вѣтки двадцать пятаго ноября, и онѣ цвѣли как раз к Колядѣ. А Вышній с Крышним приходили на Колядины Дни, на Святы. Колядѣ полагалось у Трех Баб во дворѣ ставить колесо, с фонариком в середкѣ, чтоб свѣтъ горѣлъ! Большо́й пирог — Круглик с вишнями в меду был нужен для Вышняго, а Кръшній почитался сбитыми с медом горячими сливками и сухими фруктами, орѣхами, медовиком — житным

хлѣбом на меду, с орѣхами. Колядѣ же приготавливали сочиво и коливо. Это вродѣ кутьи с орѣхами, вареньем и сливками. Творог со сметаной и сахаром, или медом, был также блюдом Коляды.

Зимняя охота была очень важной для Русов древнихъ дней. В это время они запасали кожи, шкуры, мясо, сало, нужное в году. Род требовал больших запасов пищи. Весной нужно было сало, или жир, чтобы варить борщи. Картошки тогда не знали, так жарили, или „празжили“ муку с салом, и ее клали в борщ. Оттого и сегодня еще хозяйки бѣлят борщ, подбалтывая муки.

Зимняя охота была ближней и дальней. Ближней охотой называли такую охоту, когда люди уходили на день-два. Дальней, когда уходили на мѣсяц и больше. Для дальней — собирали „верву“, или „ватагу“, с лошадьми, в санках, с сѣном и зерном, сухарями и запасами мяса. В лѣсу гдѣ-либо, гдѣ были бобровые гоны, устраивались на возвышеніи, дѣлали убѣжища из бревен и вѣток, покрывали хорошим слоем вѣток, мха и жердей, закапывали в мерзлую землю столбы, в два ряда, набивали промежутки мхом и вѣтками, а впереди, перед входом, разводили большіе костры. Утром „вервие“ уходило на охоту, а в хижинах оставались (Прабка говорила: „хижа“ — хижина) бабы, очередные взрослые, рубившіе дрова и помогавшіе кухарить, а также защищать „стоище“, если-бы напали звѣри. К вечеру возвращались охотники с добычей. Кожи тут же снимали, кишки, желудок и ноги отдавали собакам, а остальное, взявши часть для ѣды, солили, коптили, складывали в кожаные мѣшки, для отправки домой. Натопленный жир сливали в горшки, и затѣм, вынув, такими кусками складывали и тоже отправляли домой. Роду было нужно очень много сала, мяса, копченой и соленой ветчины. Будущей зимой, в холода, все это будетъ съѣдено. Мясо, бобрятину, медвѣжатину, вепрятину, козлятину, оленину, даже зайчатину, — все вымораживали, сушили, коптили, солили, вялили. Кожи, обработав древесной золой, сушили на морозе, и складывали, слѣдя, чтоб онѣ не смерзались вмѣстѣ. В мартѣ, когда мѣх становился некрѣпким, возвращались домой. Мясо везли грудями, на саняхъ. Дома встрѣчали их Родичи, радовались и начинали торжества Масляной. Послѣ Масляной на дальнюю охоту уже не ходили, а ждали половодья, чтобы прииниматься за рыбу. Когда въ рѣки входила рыба, для нереста, за ней ставили тыны, мѣшавшіе ей вернуться в устья рѣкъ, и за такими плетнями тынами рыба стояла все лѣто. Ее вылавливали, солили, сушили, коптили. Работа шла все

лѣто, и даже осенью. Весной начиналась охота на гусей, утокъ, на всякую птицу. Болѣе мелкая птица шла на ѣду, а гусей, уток тоже солили, коптили, сушили на зиму. Весной же садили огороды, валили подрубленный зимой лѣс, чтобы высох за лѣто, и чтоб достало дров на зиму.

Старая Родичиха, Праба, не даром, выгребая утром золу, молила Огника, чтоб тот „благодарил урожай“: золу всю выносили на огороды и разбрасывали, с тѣм, чтоб земля была удобренной. Зола давала хорошие урожаи. Без золы не было хлѣба.

Когда выростала трава, ее косили на сѣно. Зимой ни коровам, ни коням негдѣ было достать травы. Если нѣтъ сѣна, то не будет ни молока, ни масла, ни творога, а некормленный конь не довезет тебя и до сосѣдней горки. Весной собирали корни цикория, сморчки, которые сушили на зиму, молодой щавель, клевер, липовый лист, крапиву, запасали на зиму, а позже собирали лекарственные травы, цвѣты, корни. Затѣм приспѣвали ягоды, которые тоже сушили, варили с медом. Когда косили траву и заготавливали сѣно, появлялись вешніе грибы, — „вѣшенки“. Женщины и дѣти их собирали, и старшій Дѣд-Выдун смотрел, чтоб не попали среди хороших и ядовитых. Каждый гриб он осматривал, и если находил поганку, то показывал всѣм. Тут кончалось рыболовство, и начинали „бортичи“ приносить из лѣсу мед. Изъ сот дикого меда отбирали воск и топили его на свѣчи, а мед закладывали в жбаны, горшки и рубили старшій мед на куски, выставляли на солнце для отбѣлки.

Приходила жатва, потомъ осенній сбор ягод, грибов, охота на кабанов, заготовка колбас, сала, окороков. Все время трудился народ без отдыха, чтоб зимой было что ѣсть, чѣм отопиться, во что одѣться. В тѣ же часы надо было заготовить гончарную посуду, сдѣлать бочки, надѣлать ящиков для зерна, корней, или сала. Глиняная посуда легко билась, а потому дѣлали и деревянную, долбили миски, тарелки, черпаки, ложки. Всякій, кому что-либо требовалось, мог попросить, и ему давали овчину-ли, сапоги-ли, рубаху, или кусок мяса, чтоб, взять съ собой на охоту, или рыбную ловлю. Хотѣлось меду, и меду давали. Однако, старшій мед, крѣпкій, как сахар, шел на торги. На полуднѣ за него давали хорошіе гроши, и больше всего, посуду, масло, вино, или же сукномъ теплое, бусы и оксамиты. Но самымъ главнымъ товаромъ была соль! Ее грець продавал дорого. Между тѣм, ее же нужно было много, потому, что без соли не заготовишь сала, или мяса. Дорого шел и деготь со смолой, которые Русы вырабатывали осенью. Уголь они потреб-

ляли сами. Деготь же и смола шли у греця на кожи и на лодки. Без смолы далеко не поплывешь. Дегтем они дубили кожи, а нужно, так мазали болячки, свои и скотскія. Греци покупали кожи, сало, мѣха, да и живой скотъ, зерно, орѣхи, воск, мед, рыбу сухую и соленую. Остальное оставалось на потребу Русам же. Русы знали мыло, когда грець еще не знал. Было так, что стара Праба, со слѣпу насыпала золы въ горшок, гдѣ топила сало, долила водой, да хотѣла сдѣлать щелокъ, а когда закипѣло все, вышло мыло. Посмотрѣл Дѣд и сказал: „а тѣм мыться способно!“ С тѣх пор Русы стали варить мыло, и грець охотно его покупал. От Рода до Рода пошла вѣсть, как дѣлать мыло, и скоро вся Русія его дѣлала.

„СКАЗ ЗАХАРИХИ ПРО КАРПАТ-ГОРУ ДА КУЩОБУ“

— Отъ старыя травы, що берегут кости
хоробрых вояков,
та растут кругомъ, окрывши щелопы,
та меча ржавые, и зброю старую,
так отъ травы — буркуны, лепухи высокие
знают, як собиралася сила степовая великая,
на волоха злого, на ворога старого,
на набѣжщика, налѣзича непорядного.
И то Куцоба-Царь сказав, аще будет сам вести
хоробрых.
И шли донѣ зо всего степу хоробрые вояки,
и тамо головы свои сложили бояни,
и тож волохи видѣли, яще прійдет новая сила,
так пройдет она за Дунай синей и оберет Межу
та Дачину,
и той силы волох не поборет.
И кажен день была там вала великая, и волохи
не змагалися витязиться, и могли только
за стѣны схватиться, а сядеться,
и оттам — отудь борониться.
И тож скоро-скоро сила Куцобская, а сила
Фрякова позменьшилася.
И тоди-ж позвали гоньгчи квѣт весь ступовый,
до поля, до сѣчи великойи.
Прыйшла нова сила Куцобска, и волохи
погнала на Карпат-Гору,
Царя волоска убила, и пройшла до Тыши
и даль за Дунай.
Таж земля названа была Дячина,
бо тамо, дякы Богу, фрякы-вовки вояки
незадарма головы поклали.
Была там побѣда великая, и волохи оттам —
туды отбѣгали,
яко овци от вовков лютых.
И забрала фряга веньская Усю землю
с Карпат-Горой

и с Дупаем синим, и выйшла до Земли, иеж
назвала Фрякою.
А колиж война прява кончалася, прыйшла
Гадяча
та хотѣла також волоха здобывати.
Так стала Гадяча на Фряки налѣзати та их
штвхати.

Та была великая Сѣча,
тай была-ж Гадяча прогната.
Отож слава богам нашим а воякам хоробрым,
а Кажному роду, що вояков подавал
до поля сѣчевого, до славного!
И тыж, Земле Дякова, велика еси,
и еси бо Русена — Земля нашая,
и житя в тебе немає тихого,
яко еси, Земле Сѣчи, а крове вашей,
и ворога, волоха крове!
А побыта сытно кровами до гирдла,
и жажды немаєшь виче,
и отож Русова Земе еси.
Хоронь-бо деревиємъ щелепы наши,
кости, мечи а броню ржаву,
и то все якож останеся от хороброго.
Они текли со смѣхами на ворога,
а смерти не почитали за страх.
И тож веньска сыла была,
як до смерти билися с надѣєю,
же бо боги то зрят и Русу милуют!
Незапоминьмо бо того николи,
а славу богам окажемо!

СКАЗ ЗАХАРИХИ „ПРО РУСУ СТЕПОВУЮ“

— Ходит в степу Руса Степовая,
и кричит на нее пардом в ночи
Лихо Самочитое, и ставает против нему
Диво Дивно, Лиху противится,
а Лихо Самочитое пардом стелится,
а Лихо Самочитное в травѣ ползет,
а Лихо Самочитое сбоку подлѣзает.
И Диво на него Дивное насыдает,
и бѣет его мечом Перунковым,
и бѣет кійком вышневым Бога Вышнього,
и то Лихо Самочитое отходит,
и Русу понехает, и с другой стороны,
ужимаючись пардою, ползет.
Так ночь цѣлую Руса не спит,
на тысячи огней глядит во тьму,
и то-костры ворогов вдалеку,
и кажен костер — сто ворогов хранит,
и много их, за сотню тысяч стало,
а отбитися от них — тяжко Русии!
А вжеж Руса овец на возы покидала,
а вжеж возы до Борусы поѣхали,
до дубовых лѣсов, до тернов гущих,
а до той славной Городечни на Донцю,
а гдѣ Руса Лѣсная-Боруса сидит,

(письмо архимандрита Герасима из Аляски)

а гдѣ мечи свои на Гунаци точит.
 И тож течет Гуняця на Русу комоньми,
 и тож бѣтся Руса в степу без перестану,
 и идет Руса Лѣсная на помогу,
 и вжеж Гуняци заставилися,
 видют, якова тая другая Руса хоробрая,
 а не могут на ней витязити.
 И тож пришла Руса Кіева с Князем,
 а та Руса Днѣпрянская також сильна,
 та Гуняци налѣзати заставаются,
 та Гуняци вжеж миру питаются.
 А як миру питалися Гуняцы Отилови,
 так Кіяны, а ни Боруса миру не хотѣли.
 Так шли Гуняци Отилови на полудень,
 а с Тиверою та Покутою сговорялися.
 Та шли Гуняци на Ромы войною,
 а и тѣ Русы полуденные с ними шли,
 и Везунча с ними, и Улича, и Хорвы,
 а Руса Степовая, та Руса Борусая,
 аж Кіянская Руса не ходили.
 Не знали они еще, якый Отила тый,
 а чи слово свое держит, а чи не держит,
 и великая там добыча, а леж-ли невеликая,
 ащеж с тою Ромой дѣлают Гуняци,
 а чи покоряется она, а небож нѣт.
 И слыжано было, як Гуняци слово держут,
 и вороги бѣют, а Отила страву руску ѣт,
 и меды рускіе пѣт, яко мы.
 И тож отказал князь Гуняци не трогати,
 а вжех с ними в союзу не быти.
 Та колиж Тивера хочет, так то ее дѣло,
 а намо ни Лебыди, ни Кіеву то не идет,
 а ни Руса Борусяна, ни Степовая
 до Гуняци не пойдет, а не жадает.
 И так Пошла Руса на Дунаю с Гуняками,
 а Руса Степовая та Кіянская не пошла.
 И было так, ащеб Диво Дивно каждую ночь
 въ степу прядало, та грожалося,
 на Лихо Самочитое напададо Диво,
 а от Русы гнало, абыж зла не дѣяло,
 и так Русы зла не знали от него.
 Тож Греци все зло доставали сами,
 ащеб грабували их Руськи Племены,
 и много скота, коней, всякого добра дбалися,
 та до Кіеву гнали, продавали задарма.
 А Русы на Кіеву сѣдѣли тихо и глядѣли,
 ащож на Панщинѣ та на Межах дѣється,
 и в Норчи, и за Дунаем синимѣ.
 Плакали тегдыж Греци, як колися Русы,
 и не знали, кам главу дати, абыж дѣла была.
 И так то было, докы Отил на западѣ Сонця
 одошел,
 а тамо он же посчез с людьми,
 и колиж назад пришел, так помер,
 а его якася дѣвчина завраждила.
 И с того часу Гуняци посчезли,
 и Руса их уже не страшилася."

Я думаю, что вы знаете, слышали о том, что мы пережили в Аляске 27 марта 64-го года. И после той страшной ночи, когда Господь спас мою жизнь от потопления, я чувствую себя не хорошо.

Два месяца летних у нас была сухая погода, высохли все реки. Море было все лето бурным, грозным, хотя не было ветра. Часто повторялось землетрясение. За водой мне приходилось ходить очень далеко, на речку. И конечно, в мои годы (96 лет) я мог нести только одно ведро. Когда я нес воду, мне вспомнились наши подвижники, носившие воду за три-четыре версты — и я призывал их на помощь...

В 1908 году я был на послушании в больнице, где в конце января скончался старец-инок о. иеросхидиакон Иероним. В день его кончины, утром, я зашел в его келью и он мне говорит: — Ну, брат Михаил, сегодня я дам тебе покой, в четыре часа я уйду домой. Простился со мною, благодарил меня. После трех часов он стал часто спрашивать, который час. Стал слабеть и с трудом ставить вопросы. Видя его бледное лицо, закрытые глаза, я пригласил фельдшера — о. Корнилия. Когда он зашел, мы зажгли свечи и опустившись на колени, стали молиться. В четыре часа дня на монастырской колокольне ударили в колокол и старец о. Иероним тихо и спокойно испустил последний вздох. И сколько подобных праведников наших православных христиан спасли свои души. Многие православные праведные люди знали день и час своей кончины.

Вы правильно писали, про эту позорную комедию, затеянную с иконою. Мне многие верующие православные русские люди писали о том же. Ведь такое-то — бизнес, хотят продать за сотни тысяч. Кто икону держит, в чьих она руках и почему начала повышаться цена на нее все выше и выше? Икона для верующего человека драгоценна не богатым украшением, нет, а ликом пречистой Девы Марии, Матери Господа Иисуса Христа! И я вот исполнил пророчество нашего великого чудотворца преподобного Серафима Саровского. „В последние времена многие православные епископы впадут в еретичество. Я, убогий Серафим, молился за них, но Господь не услышал моего моления”.

Грусно, что не все зарубежные епископы прославили нашего всемирного светоча православия, великого чудотворца, праведного отца Иоанна Кронштадтского!

В православной газете „Свѣтъ“, за 1934 год (н. 32) была напечатана статья Г. Гребенщикова. Вот несколько слов из этой статьи: — Господи, прости меня — грешу я с ними... Некоторые — прямо безбожники. Истинный Бог!... Приходят, да еще начинают со мною спорить: Какой он есть Бог?... Ах, Господи! Это же ужасно, когда священник неверующий. Ведь, это значит, он Бога не боится и народ обманывает... („Путь святителя“). Как у нас, так и по всему миру все идет под гору.

Еще до 1914 г. многие русские люди предчувствовали, что что-то страшное надвигается на Россию и весь мир. Но приведу хотя одно сбывшееся пророчество моего добрейшего старца схимонаха о. Иоасафа Некрасова, инок Тихоновой пустыни, Калужской епархии.

— Миша, обращался он к одному из иноков, — ты слышишь, как ропщут монахи, а ведь ропот страшный грех! А чего нам роптать, монахам? У нас и пуца хорошая, хлеба ешь, сколько хочешь. Келья теплая, одежда даровая. Притом мы, монахи, должны жить просто, поститься, молиться. Посмотрите же, как живет наш кормилец крестьянин, сколько у него горя и забот, и как часто его постигает несчастье: неурожай, засуха, или дождливая погода, пожар, мор скота, болезни... А он все терпит, несет свой крест без ропота. А посмотри, Миша, кто заполняет наши монастырские храмы, кто зажигает костры свечей у мощей угодника Божия, кто несет свою трудовую копейку в церковь?! Разве не наш труженик крестьянин? Вот за наш, монашеский ропот, отнимет от нас Господь все и мы тогда скажем: „Купить нечего нам!...“ А ведь почти все монахи собрались сюда из сел и деревень, где они часто и хлеба то не видели вволю.

Старец Иоасаф был сыном священника, он блестяще окончил Тульскую семинарию. Прекрасно знал Священное Писание. Ему и пришлось испить до дна чашу скорбей. Он умер в своей любимой Тихоновой Пустыне 2 января (ст. ст.) 1919 года. В монастыре еще находилось несколько монахов, которые похоронили его у стен Преображенского собора. Скончался он от истощения и старости. Ему было за 90 лет.

Итак, дорогие друзья, простите, что давно не писал. После страшной ночи 27 марта 1964 года я стал чаще хворать, зрение слабеет и нервы мои страдают.

Да мне пришлось пережить здесь и гонения, клевету и оскорбления, но не от коммунистов, не от американцев неверующих, нет, а от „смиранных“ владык и своей же братии. А я ведь

работаю в Аласке 49 лет. И все эти годы мною прожиты в суровой бедности, холоде. И за эти долгие годы у меня не было даже и теплого уголка. Но, конечно, я знаю, что переживает наш великомученик русский народ, молюсь за него, все терплю. Да я и не искал в Америке ни хорошего прихода, ни более теплого климата. Люблю свою пустыньку и желаю — сложить здесь мои кости. Ей, буди, буди!

**

КОНЕЦ ЧУДОТВОРНОЙ АВАНТЮРЫ АРХИЕП. ШАХОВСКОГО

Как наши читатели уже знают, неожиданно умер мистер Хеннеси, который в качестве „представителя“ архиеп. Шаховского разъезжал по всей Америке с иконой Божией Матери в сопровождении двух американцев, переодетых в полицейских, с револьверами и собирал под ложными предложениями деньги в наших храмах на покупку будто бы исторической и чудотворной иконы за полмиллиона долларов. На самом же деле владелица иконы, лондонская англичанка, тщетно старалась уже десять лет продать икону за 70 тысяч долларов.

Покойный Хеннеси будто бы собрал больше семидесяти тысяч долларов, но что случилось с этими деньгами — неизвестно. Невзирая на все напоминания церковного начальства, архиеп. Шаховской до сих пор отчета не дал.

На место Хеннеси архиеп. Шаховской назначил своим представителем некоего Александра, которого он водворил вместе с иконой в русской часовне на Всемирной выставке. Александр заболел и исчез.

19 мая внезапно тяжело заболел в здании митрополии сам архиеп. Шаховской. Его отравили в госпиталь, где он будет подвержен серьезной операции.

Может быть действительно произойдет чудо и архиеп. Шаховской после всего происшедшего, откажется от продолжения своей богохульной авантюры.

Но жертвовали, у которых выманили десятки тысяч долларов, ждут от архиеп. Шаховского подробный отчет: сколько было собрано денег в каждом отдельном приходе и что случилось с деньгами. В некоторых приходах уже поговаривают о судебном деле.

Ходят слухи, будто бы архиеп. Шаховской после своего выздоровления намерен отказаться от своей высокой международной и междуцерковной американско-африканско-европейской политики и посвятит свои силы только своей епархии или даже уйдет в монастырь.

Г. А.

ПОЖЕРТВОВАНИЯ НА „СВОБОДНОЕ СЛОВО“

Примечание: Тем из читателей, кто не указал подробно для какой цели посылает деньги, мы засчитали три доллара, как подписную плату, а остальную сумму — как пожертвование.

В. Алтухович (православная община во имя Всех Святых)	12.00
Г. Богданов	2.00
о. Михаил Вуссатюк-Коваль	5.00
Зинаида Грисс	0.50
о. Виктор Ильенко	10.00
Авенир А. Низов	100.00
И. Лиманцев	12.00
Матвей Рыбарь	5.00
о. прот. Н. Семков	10.00
Константин Сквориков	2.00
Игнат Сербалик	2.00
о. Андрей Семянюк	5.00
Д-р Димитрий Тижомиров	3.00
А. Т.	80.00
М. Т.	80.00
Фомин	5.50
Итого	\$ 344.00

Редакция приносит сердечную благодарность всем добрым русским людям за своевременную помощь журналу.

Брошюра Штроссмайера на английском языке

Дорогие читатели „Свободного Слова“!

Трудами редакции „Свободного Слова“ добыта и напечатана в журнале и отдельной брошюрой знаменитая речь кат. архиепископа Штроссмайера, произнесенная им на первом Ватиканском Соборе в 1870 г. против догмата о палской непогрешимости. Для нас, православных, она ценна не только своими неоспоримыми доводами из Священного Писания и церковной истории, неотразимой логикой, но еще и потому что произнесена католиком.

Наше молодое поколение не все владеет русским языком. Поэтому весьма полезно было бы издать эту брошюру и на английском языке. Английский текст удалось достать тоже. Имея эту реч на английском языке, читатель мог бы дать ее своим друзьям и знакомым протестантам и даже католикам, которые едва ли что нибудь знают о ней.

Но на издание ее нужны деньги, правда, очень небольшие. Поэтому я предлагаю: внесем на эту цель долларов по 10 (или кто сколько может). Ведь нужно, чтобы откликнулось человек 20-30 и цель будет достигнута.

А. Бирюк

(Автор книги „Размышление о католичестве и православии“.)

РУСЬ, ОТКУДА ТЫ?

Основные проблемы истории древней Руси Раздел 1-ый: ПРОБЛЕМА ВАРЯГОВ.

- Глава 1-я: О неверном понимании летописей.
- Глава 2-я: Учтены-ли в проблеме о варягах все данные летописей.
- Глава 3-я: Существовало ли германское племя „Русь“?
- Глава 4-я: О косвенных доказательствах норманистов.
- Глава 5-я: Заключительные замечания.

Раздел II-й ПРОБЛЕМА НАЧАЛА РУСИ (Дологовская Русь).

- Глава 6-я: Известия о русах до 9-го века.
- Глава 7-я: Известия о русах 9-го века.

Раздел III-й: ПРОБЛЕМА СЛАВЯНСТВА

- Глава 8-я: Славянство и история.
- Глава 9-я: В поисках предков славян
- Глава 10-я: Проблема готов.
- Глава 11-я: Проблема гуннов.

Раздел IV-й: ПРОБЛЕМА СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

- Глава 12-я: Зачаточная письменность славян.
- Глава 13-я: Происхождение глаголицы
- Глава 14-я: Происхождение кириллицы и ее вариантов.

Раздел V-й: ПРОБЛЕМА „ВЛЕСОВОЙ КНИГИ“ (совершенно неизученная языческая летопись конца 9-го века).

- Глава 15-я: Что мы знаем о „Влесовой книге“.
- Глава 16-я: Еще о дощечках Изенбека.
- Глава 17-я: История русов согласно „Влесовой книге“
- Глава 18-я: Фрагменты истории из „Влесовой книги“.
- Глава 19-я: Что представляла собой религия древних русов.

ДОПОЛНЕНИЯ.

- Глава 20-я: Советская наука и история древней Руси.
- Глава 21-я: История борьбы антинорманизма с норманизмом.
- Глава 22-я: Норманисты Запада после войны.

Цена книги 3 дол.

Выписывать — Consistory Church Goods Supply
7 St., Johns Ave., Winnipeg 4, Manitoba, Canada